

Тяжёлая травма требует времени — в народе говорят, что кости и сухожилия заживают не меньше ста дней. Подвернув ногу, Жуньшэн больше не мог, как прежде, бесследно исчезать и внезапно появляться, а потому заметно притих. За исключением уроков игры на фортепиано и обедов, он почти не покидал пределов двора.

Юйцин усаживал его на багажник своего старого велосипеда «Юнцзю» модели 28 и кружил по двору, наматывая круг за кругом. Заодно он дважды в день возил Жуньшэна обедать в соседний Авиационный городок.

Этот велосипед в своё время был частью приданого Чжоу Хуэй — одной из тех дорогих покупок, что делались раз в жизни. Позже на нём ездил в школу Юйхуань, а когда тот поступил в университет и перебрался в общежитие, двухколёсный конь перешёл к Юйфэнь. Юйфэнь выросла настоящей красавицей. Стоило ей поехать куда-то в юбке, как вслед увязалась целая свора шпаны, свистя и отпуская сальности. Однажды она возвращалась поздно, и её едва не стащили с велосипеда какие-то подонки.

Характером старшая сестра Доудоу пошла явно не в тихонь — спускать обиду она не собиралась. Недолго думая, девчонка огрела нападавшего школьным портфелем, да так, что раскроила тому голову. Поговаривали, что, когда подросли прохожие, Юйфэнь с криками гонялась за хулиганом, сжимая в руке тяжёлый, как кирпич, словарь. У того всё лицо было залито кровью, а его мольбы о пощаде разносились на пол-улицы.

Как раз в то время на экраны вышел гонконгский боевик «Тринадцатая сестра» — история об отчаянной девице, которая ворвалась на казнь и в одиночку изрубила тринадцать дюжих мужей. Так за Юйфэнь в Хуньюане и закрепилось прозвище — Тринадцатая сестра Дин.

Хотя в момент драки Тринадцатая сестра Дин держалась молодцом, дома у неё ещё несколько дней подкашивались ноги. Страх она выдавала только на словах, грозясь в следующий раз непременно превратить мерзавцев в евнухов. Больше всего она горевала над своим толстенным иностранным словарём, который в потасовке развалился по швам и покрылся кровавыми брызгами.

Чжоу Хуэй и Ли Шуминь не на шутку перепугались. Бабушка громогласно распекала внучку за её «недостойную» манеру щеголять в юбках вместо приличных брюк и велела немедленно отрезать косу, заявляя, что столь приметная причёска только притягивает беду.

Чжоу Хуэй, однако, спорить не стала. Девчонка молодая, хороша собой, любит наряжаться — разве в этом есть грех? Поразмыслив, она предложила компромисс: отказаться от велосипеда и добираться до места на автобусе.

Общественный транспорт в те годы был сущим кошмаром: зимой в салонах гулял сквозняк, летом стояла удушливая вонь пота, а расписаний автобусы не придерживались вовсе. Юйфэнь поначалу упрямылась, но страх оказался сильнее, и она послушно пересела на автобус.

И всё же старый велосипед, несмотря на свою предысторию, оставался предметом зависти.

Эрпан и Маганьэр смотрели на него с обожанием, и Юйцин, проявляя великодушие, иногда разрешал им прокатиться.

Жуньшэн, наблюдая за этим со стороны, всякий раз отворачивался с недовольной миной.

— Вот поправится твоя нога, и ты сможешь прокатиться, — подбадривал его Юйцин.

Эрмяо лишь пренебрежительно фыркнул в ответ:

— Не нужен мне велик. Педали крутить слишком тяжело, лучше ты меня вози.

Из-за больной ноги Жуньшэн теперь без малейшего стеснения использовал Юйцина вместо костыля. А тот, будучи на редкость покладистой опорой, проводил со своим подопечным почти всё время.

Мальчишки собирались у каменного стола во дворе. Эрпан и Маганьэр корпели над домашним заданием, тогда как Юйцин, давно со всем покончив, взяв в руки, читал одолженный у Маганьэра приключенческий роман о мастерах боевых искусств.

Жуньшэн поначалу пытался читать вместе с ним, заглядывая через плечо, но быстро заскучал. От безделья он принялся изводить друга, не отпуская от себя ни на шаг: то ему пить подавай, то приспичило в туалет.

Юйцин к тому времени тоже надулся воды, а потому потащил товарища к надворной уборной. У забора Жуньшэн принялся хвастаться и дразнить Юйцина, уверяя, что бьёт струёй гораздо дальше.

Юйцин обиделся. Мальчишки решили устроить состязание, в пылу которого изрядно обрызгали дощатую стену уличного туалета.

— Вот видишь! Я дальше! — победно воскликнул Юйцин.

— Нет, я, — упрямо возразил Жуньшэн. — К тому же у меня больше.

Юйцин скосил глаза, пытаясь рассмотреть достоинство Эрмяо и проверить, правду ли тот говорит.

В этот момент Жуньшэн пихнул его локтем в бок:

— Глянь, опять этот ошивается.

Юйцин проследил за его взглядом и оцепенел: из-за невысокой ограды туалета на них пристально смотрел Бао Лян.

Справлять нужду наперегонки с Жуньшэном казалось делом привычным и весёлым. Но когда за тобой подглядывает посторонний взрослый — это переходило все границы. Даже мама никогда не караулила Юйцина у уборной. По спине пробежал неприятный холодок, внутри всё сжалось от мерзкого предчувствия.

Жуньшэн уже успел застегнуть штаны. Заметив, что Юйцин так и застыл с открытым ртом, глупо уставившись на незваного гостя, он бесцеремонно натянул на него шорты.

Сиреневый дворик представлял собой замкнутое каре. На небольшом пятачке между южными флигелями и Западным зданием располагались уличная уборная и колонка с водой. За низкой кирпичной перегородкой туалета тянулся узкий проулок между корпусами, выводивший в глухие задние переулки. Детвора, игравшая во дворе, всегда бегала сюда.

Бао Лян как-то странно, неприятно осклабился, упёрся руками в край кирпичной кладки и легко перемахнул через забор.

Жуньшэн тут же мёртвой хваткой вцепился в плечо Юйцина, пытаясь задвинуть его себе за спину.

Всё произошло в мгновение ока.

Бао Лян коршуном бросился вперёд, впечатав мальчишек в стену. Жуньшэн чудом успел извернуться и отпрыгнуть, так что в цепких руках мужчины оказался один Юйцин.

Юйцин никогда не думал, что взрослые могут обладать такой сокрушительной, неодолимой силой — Бао Лян буквально вырвал его из рук товарища. Кожу на предплечье обожгло дикой болью: Жуньшэн так отчаянно пытался удержать его, что расцарапал руку ногтями до крови.

В нос ударил едкий, удушливый запах чужого пота. Липкие, горячие пальцы вцепились в его шорты, грубо стягивая их вниз.

Но завершить начатое мерзавец не успел.

Пришедший в себя Жуньшэн наотмашь влепил Бао Ляну тяжёлую затрещину прямо по уху. Тот на секунду дезориентировался, и Эрмяо, рванув Юйцина на себя, вихрем увлёк его за собой наружу.

Ослепительный солнечный свет ударил по глазам. Земля уходила из-под ног, Юйцин бежал вслепую, точно проваливаясь в мягкую вату.

Разбитые запястья, исцарапанная рука, ушибленный затылок — всё горело огнём, а в ушах стоял сплошной гул, точно туда забрался пчелиный рой.

Перед глазами маячили лишь тёмные волосы Жуньшэна, отливавшие золотом под палящим солнцем.

Задыхаясь, они добежали до каменного стола. Маганьэр и Эрпан испуганно вскочили с мест. Юйцин тяжело хватал ртом воздух, сердце колотилось где-то в горле, а сознание отказывалось воспринимать случившееся. Он просто оцепенел.

Жуньшэн так и не выпустил его ладонь. Переведя дух, он скользнул взглядом по окровавленным царапинам на руке друга и нахмурился:

— Кожу содрал.

Только теперь до Юйцина дошло, что произошло. Сделав судорожный вдох, он разразился отчаянным, оглушительным рёвом.

Жуньшэн с досадой прицокнул языком:

— Ну чего ты завёл? Подумаешь, царапина. Залижешь — и всё пройдёт.

Лицо Юйцина мгновенно залили слёзы и сопли. Он отчаянно пытался объяснить, что плачет вовсе не из-за исцарапанной руки, но из горла вырывались лишь глухие, прерывистые всхлипы.

— Да не реви ты! — раздражённо прикрикнул на него Жуньшэн.

Эрпан и Маганьэр растерянно обступили друга, похлопывая его по плечу:

— Да что стряслось-то, Доудоу? Расскажи!

Жуньшэн отрезал коротко и сухо:

— Бао Лян — ублюдок. Больше в тот туалет соваться нельзя.

Юйцин продолжал жалобно шмыгать носом. Понаблюдав за ним, Жуньшэн вдруг притянул его руку к лицу и прижался губами к царапине, слизывая кровь:

— Гляди, больше не течёт.

Выступившая кровь действительно исчезла. Юйцин пару секунд недоверчиво разглядывал ранку, но из неё снова засочилась красная влага.

— Всё равно идёт, — обиженно пролепетал он.

Жуньшэну пришлось приложиться к царапине ещё раз.

— Теперь точно всё. Послюни — само заживёт.

Шмыгая носом, Юйцин принялся сам послушно зализывать ранку. Особой боли он не чувствовал, но обида и страх комом стояли в горле, заставляя глаза слезиться.

Пока ребята пытались его успокоить, Маганьэр незаметно пихнул Жуньшэна локтем в бок:

— Смотри, Бао Лян.

Все разом обернулись. Мужчина стоял против солнца, зажав ладонью ухо. Лица его в полумраке было не разглядеть. Потоптавшись у входа некоторое время, он молча скрылся в подъезде.

Маганьэр и Эрпан окончательно запутались.

— Он что, правда на вас набросился? — недоумевал Эрпан. — Чего ради?

Маганьэр, соображавший быстрее, предположил:

— Выкупить за вас просил бы? Похитить хотел?

Жуньшэн промолчал. Он лишь осторожно коснулся пальцами затылка Юйцина, проверяя наливавшуюся там шишку.

Юйцин тоже понятия не имел, какие цели преследовал Бао Лян, но твёрдо уяснил одно: этот человек опасен.

В душе у мальчика поселился липкий, тёмный страх — точно такой же, какой охватил его, когда он впервые услышал историю о нападении на старшую сестру.

Вечером, едва Чжоу Хуэй вернулась с работы, Юйцин рассказал обо всём матери. Лицо женщины мгновенно побелело. Даже не переодевшись с дороги, она решительным шагом направилась к выходу.

Юйцин так и не узнал, куда она ходила и с кем говорила. Вернувшись домой, Чжоу Хуэй посмотрела на сына с непривычной, пугающей строгостью:

— Запомни: если ещё хоть раз увидишь этого Бао Ляна, беги от него со всех ног. Обходи десятой дорогой.

— А если не получится убежать? — тихо спросил Юйцин.

Мать ласково прижала его к себе:

— Всё равно не позволяй ему к тебе прикасаться, слышишь? Запомни раз и навсегда: всё, что скрыто под майкой и трусиками, взрослым трогать строго-настрого запрещено.

Юйцин послушно кивнул:

— Нельзя давать трогать.

Чжоу Хуэй вздохнула, потрепав его кудрявую макушку:

— Пойду поговорю с соседями, предупрежу остальных.

— Но мамы Эрмяо сейчас нет дома, — вспомнил Юйцин.

— Ничего, я позвоню ей на работу, — мягко ответила Чжоу Хуэй.

Мальчик не знал, какие разговоры вела его мать с жильцами, но вскоре Бао Лян бесследно исчез из Сиреневого двора.

Эта история ещё долго преследовала Юйцина в кошмарах. Он месяцами обходил стороной злополучную дворовую уборную — точно так же, как его сестра больше никогда не рисковала ездить на велосипеде в сумерках.

Летние каникулы после четвёртого класса выдались на редкость скучными. Мало того что Жуньшэн ходил с перебинтованной лодыжкой, так ещё и на реке в то лето утонуло несколько подростков, из-за чего Чжоу Хуэй наотрез запретила сыну приближаться к воде. К тому же у матери на работе был завал, и традиционная поездка к тёте в гости тоже сорвалась.

Была и другая причина для грусти. Старший брат Юйцина окончил институт. Ему светило тёплое местечко на Заводе № 176, однако преподаватели настоятельно рекомендовали продолжить обучение. Да и сам Юйхуань давно мечтал вырваться из провинции. Собрав нехитрый скарб и прихватив рекомендательные письма, он уехал в Яньцзин. Чжоу Хуэй при

сыне держалась молодцом, но втайне горько оплакивала его отъезд.

Дин Юйхуань не был родным сыном Чжоу Хуэй. Мальчик остался сиротой после гибели боевого товарища Дин Кана, и супруги забрали его к себе уже вполне сознательным подростком. Хотя все эти годы он послушно звал мачеху матерью и никогда не доставлял хлопот, между ним и остальными членами семьи всегда чувствовалась едва заметная, невидимая преграда.

В те времена от старшего сына по умолчанию ждали, что после получения диплома он осядет дома и станет главной опорой семьи.

В тихих кухонных разговорах Чжоу Хуэй и Ли Шуминь сходились во мнении, что Юйхуаню претила эта участь. Да и глупо было его винить — в юности мир кажется бескрайним, полным заманчивых дорог. Мечты требуют свободы, а семейный долг — слишком тяжкое бремя для неокрепших плеч.

— Пусть едет, — вздыхала Чжоу Хуэй. — Если станем удерживать, возненавидит нас на всю жизнь. И никакие родственные узы не спасут.

Бабушка Ли Шуминь, растирая ноющие колени, сердито ворчала:

— Неблагодарный волчонок!

— Полно вам, мама, — мягко качала головой Чжоу Хуэй. — У молодёжи свои взгляды на жизнь. Юйхуань ведь за столько лет ни разу нас не подвёл, рос умницей.

Поворчав, старуха принималась сокрушаться:

— На Завод № 176 выпускники зубами цепляются, это же золотая миска риса на всю жизнь, верная кормушка! А он взял и выплюнул. Ну и пусть катится. Я лучше о будущем Эръя и нашего Доудоу побеспокоюсь — как бы они без дела не остались.

Чжоу Хуэй переложила на столе тяжёлую книгу:

— Он будет учиться в аспирантуре, с таким образованием перед ним любые двери откроются. Не изводите себя, мама. Дети сами найдут свою дорогу.

— И всё же за Доудоу сейчас нужен глаз да глаз, — не унималась Ли Шуминь. — Слыхала, в Квартале электростанции шпана забила насмерть какого-то мальчишку? О господи, люди рассказывают, родители бедные в полицейском участке от горя рассудком повредились, так кричали.

— Сама испереживалась вся, — вздохнула Чжоу Хуэй. — Доудоу совсем не растёт. Осенью уже в пятый класс идти, сверстники вон какими кабанами вымахали, а наш всё как воробышек. Боюсь, заклюют его дворовые хулиганы.

Юйцин, подслушивавший из соседней комнаты, обиженно надул губы и на цыпочках выскользнул из квартиры — искать Жуньшэна.

Много лет спустя, оглядываясь назад, Юйцин поймёт: именно в те душные летние дни они начали незаметно взрослеть.

Эрпан больше не дурачился круглые сутки напролёт и частенько впадал в глубокую задумчивость, Маганьэр изнывал под гнётом школьных забот, старший брат уехал покорять столицу, а у сестры, похоже, появились первые девичьи тайны.

Сам же Юйцин страстно мечтал поскорее вырасти. Непременно вместе с Жуньшэном.

<http://bllate.org/book/19415/1952912>